

Прошло несколько минут. Взяв себя в руки, Фан Сынун распахнул дверь и едва не столкнулся с Юй Янь, которая в нерешительности застыла на пороге.

Увидев, что он вышел сам, девушка удивленно моргнула, но тут же облегченно выдохнула:

— Господин Фан, вы в порядке?

Лицо Фан Сынуна оставалось бесстрастным. Он держал в руках раскадровку, которую Юй Цюся только что швырнул на стол.

— Что у нас по плану на сегодня? — спокойно спросил он.

Прозвище «Ледяная Яма» закрепилось за ним в киноиндустрии прочно. Каждый, кто имел с ним дело, знал: его угрюмое, бесстрастное лицо — обычное состояние, а легкая полуулыбка — событие из разряда фантастики. Он вовсе не пытался выказать кому-то пренебрежение, просто характер у него был такой.

Юй Янь еще какое-то время пристально вглядывалась в его лицо, пытаясь уловить хоть какую-то тень эмоций, но, услышав повторный вопрос, спохватилась и назвала номер страницы.

Фан Сынун бегло пролистал сценарий и направился к камере — туда, где еще недавно стоял Юй Цюся. Окинув взглядом растерянных актеров, застывших посреди площадки, он скомандовал:

— Начали.

После того как Юй Цюся в бешенстве покинул площадку, съемочная группа пребывала в полном замешательстве. Все стояли и растерянно переглядывались. Не прошло и десяти минут, как режиссерское кресло занял другой человек и без лишних предисловий велел продолжать. Неужели съемки не отменяются?

А режиссер Юй вообще знает? Актеры пребывали в тревоге: если они сейчас согласятся работать под началом Фан Сынуна, не уволит ли их Юй Цюся на следующий же день?

Фан Сынун лениво пролистал список действующих лиц на первой странице. Имена были незнакомыми — похоже, на этот раз Юй Цюся набрал совсем зеленую молодежь.

Смягчив тон, он скомандовал:

— Начнем с семьдесят девятой страницы, сцена шесть-один.

Юй Янь, встав за его спиной, громко захлопала в ладоши, привлекая внимание группы:

— Ребята, приготовились! Снимаем сцену шесть-один. Осветители, настройте свет, пожалуйста...

Увидев, что помощница режиссера без колебаний подчинилась, остальные тоже быстро взяли себя в руки и вернулись к работе.

К трем часам дня запланированная на сегодня норма была выполнена. Юй Цюся так и не появился.

Фан Синун не стал затягивать смену ради опережения графика. Махнув рукой, он объявил, что все свободны.

Юй Янь вызвалась проводить его до выхода. Всю дорогу она то и дело открывала рот, словно собираясь что-то сказать, но так и не решилась.

У самых дверей возникла неловкая заминка. Двое актеров, чьи сцены отсняли раньше, даже не подумали уйти. Вместе с кем-то из технического персонала они сидели на корточках за углом у входа и курили.

Их приглушенные голоса отчетливо доносились до крыльца:

— Мать божья, а этот-то сегодня кто был? Наводит жуть похлеще режиссера Юя...

— Ты что, Фан Синуна не знаешь? Крутой оператор. Прошлый фильм Вань Чуньхуа он снимал.

— Надо же, такой красавчик — и за камерой?

— А ты как думал? Сам-то сможешь кадр выстроить?

— Куда мне... Я краем глаза глянул на мониторы — мощно, конечно. Снято один в один как у самого Юя.

— Еще бы. Они же шесть лет вместе прожили. Он у Юя бессменным оператором был.

— Да ладно? А я решил, они на ножах, раз Юй так взбесился.

— Ну, поговаривают, это наш оператор в свое время за ним хвостом таскался, проходу не давал. А когда его пинком под зад выставили, у него крышу сорвало. Теперь от одного имени Юя зубами скрипит... Как по мне, глупость несусветная. Скажем прямо: без Юя этот нищерброд

в жизни бы не поднялся. Будь я на его месте, вел бы себя поприличнее после расставания. Надо же марку держать. Поздоровался вежливо — и расстались как цивилизованные люди...

— Так он теперь приполз обратно, чтобы ресурсы из него качать?

— Ну, это вряд ли. Он и сам сейчас фигура известная...

Всего в десятке метров за их спинами Фан Сынун стоял у обочины и ждал такси, вызванное через приложение. Свою машину сегодня он оставил дома — втайне надеялся, что удастся уехать вместе с Юй Цюся.

Надежда, разумеется, рухнула с треском.

Юй Янь стояла чуть позади, скромно потупив взор и не проронив ни звука. Шоу-бизнес — грязное место, за спиной шепчутся обо всех без исключения, хотя в лицо помалкивают. Вступаться за Фан Сынуна она не планировала.

Сам он тоже наверняка все прекрасно слышал, но даже бровью не повел — сделал вид, что ничего не происходит, под стать своей спутнице.

Подъехало такси. Фан Сынун потянул за ручку двери, а Юй Янь, наклонившись к опущенному стеклу, нарочито громко произнесла:

— Господин Фан, хорошей дороги!

— Спасибо, — он коротко кивнул ей. — Возвращайся к работе.

Когда машина скрылась за поворотом, Юй Янь повернула обратно. Сплетников у входа, как и следовало ожидать, уже и след простыл.

Пока такси везло его домой, Фан Сынун всю дорогу гипнотизировал пустой экран диалога с Юй Цюся. Лишь перед самым подъездом он наконец набрал сообщение:

«Завтра возвращайся на площадку сам. Я больше не приду».

Юй Цюся ничего не ответил, но, как позже донесли слухи, на следующий день на съемках он так и не появился. Работа возобновилась только через трое суток. После этого случая Фан Сынун больше не осмеливался соваться на съемочную площадку.

Прошло чуть больше недели, когда от Юй Цюся пришло новое лаконичное сообщение: дата, адрес и прикрепленный текстовый файл.

Сохранив время и место встречи, Фан Сынун открыл вложенный документ.

Внутри содержались сведения о «Театральном мире». С большей частью этих правил Фан Сынун уже успел ознакомиться на собственном горьком опыте: необходимость строго следовать правилам, табу на прикосновения к крови и прочим скверным вещам. Юй Цюся окрестил эти явления «вторичной смертельной линией». Если никто из участников напрямую не нарушал главные правила игры, то те, кто умудрился замараться и пересечь эту «вторичную линию», погибали первыми.

Куда больший интерес представлял сам механизм инициации. Стоило человеку единственному раз выжить в «Театральном мире», как его неизбежно затягивало во все последующие. Интервалы между призывами колебались от пары недель до нескольких месяцев, а порой затишье длилось больше года. Приближение очередного раунда ветераны определяли по собственному внутреннему чутью. Чем больше миров оставалось за плечами, тем острее становилась эта интуиция. Сам Фан Сынун пока ничего подобного не испытывал, но Юй Цюся уже мог с абсолютной точностью назвать день, когда откроется очередная сцена.

Что касается самого процесса перехода: в назначенный час, где бы ни находился «игрок», его затянет внутрь без всякого предупреждения. Территория захвата определялась границами «сцены, признающей существование Четвертой стены».

Четвертая стена — классический театральный термин, обозначающий воображаемую невидимую границу между актерами на трехстенных подмостках и зрительным залом. В классической драме актеры играют так, словно этой невидимой преграды нет, а публика наблюдает со стороны.

В контексте их безумной реальности это означало, что «Театральный мир» очерчивает условную «сцену» вокруг того, кто уже отмечен проклятием, и безжалостно засасывает в воронку всех, кто оказался в границах этого пространства.

Такой «сценой» мог стать настоящий театральный зал или любое другое случайное место. Юй Цюся писал, что, судя по опыту многочисленных предшественников, размеры этой зоны теоретически не имели ограничений — от крошечного пятка до бесконечности. Единственным относительно надежным способом избежать вовлечения невинных людей считалось пребывание в замкнутом прямоугольном помещении в момент перехода. «Театральный мир» признавал такое пространство рукотворной сценой, что позволяло ограничить масштаб бедствия.

Именно поэтому во время банкета у Вань Чуньхуа Юй Цюся поспешил уединиться в отдельном гостиничном номере. Кто же знал, что даже при таких мерах предосторожности в ловушку угодят сразу трое случайных попутчиков.

Фан Сынун трижды перечитал документ от корки до корки, но так и не нашел ответа на главный, мучивший его вопрос: как все это закончить?

Ни единого упоминания о финале. Неужели... этот кошмарный круговорот обречен длиться бесконечно?

Он сидел посреди пустой, безмолвной квартиры, и липкий холодный страх медленно поднимался по позвоночнику.

Впрочем, недомолвок в записях хватало и без того. К примеру, если его самого, Пу Тяньбая и Хуа Тяньсяо затянуло вслед за Юй Цюся, то кто в свое время утанул на дно самого Юя? И как зародилась эта цепочка? Почему вообще были выбраны самые первые игроки?

Был ли в их кругу хоть кто-то, кто стоял у истоков этого безумия?

И по какому принципу система выбирает полных новичков вроде Го Цзыюя, Цинь Фэй или Линь Чжэ, за которыми не стояло никаких опытных проводников?

Фан Сынун отправил все эти вопросы в мессенджер. Юй Цюся ответил в своей обычной манере:

«Хорошие вопросы. Сам без понятия. Советую не забивать себе голову лишней ерундой. Там — выживай изо всех сил, здесь — лови момент и кайфуй. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на размышления».

Фан Сынун прекрасно понимал, что бывший любовник знает куда больше, но вытянуть из него то, чем он не желал делиться добровольно, было делом дохлым. Пришлось временно отступить.

Жизнь, тем не менее, продолжалась, а вместе с ней — и работа.

Агент Хуа Тяньсяо снова вышел на связь с предложением о съемках. На этот раз Фан Сынун ответил согласием и выкроил полдня, чтобы примерить на модель первые образы.

В день примерки он пригласил в студию и Пу Тяньбая, чтобы вместе обсудить новые сведения, полученные от Юй Цюся.

После того как в мире «Франкенштейна» Хуа Тяньсяо лишился руки, парень пребывал в глубочайшей депрессии. Обнаружив по возвращении в реальность, что конечность цела и невредима, он, конечно, безумно обрадовался, однако былая беззаботная спесь с него слетела напрочь. Известие же о том, что эти визиты в кошмары станут регулярными, и вовсе подкосило его.

Пу Тяньбай, парень по натуре отходчивый и толстокожий, честно пытался его подбодрить, но толку от его утешений было мало. Хуа Тяньсяо забился в угол гримерки и безутешно рыдал, размазывая слезы и клянясь, что больше в рот не возьмет ни капли спиртного. Увы, вернуть

былое никому не под силу.

К счастью, оба бедолаги не отличались особым умом и сообразительностью, а потому даже не додумались спросить Фан Сынуна о том, есть ли у этого кошмара хоть какой-то логический конец.

Заведи они разговор на эту тему, Фан Сынун просто не нашелся бы что ответить, а хрупкая психика Хуа Тяньсяо наверняка рухнула бы окончательно.

На душе у самого Фан Сынуна скребли кошки. Мало кто сохранит присутствие духа, зная, что каждые несколько недель рискует скоростижно скончаться без видимых причин. Не в силах больше слушать всхлипывания парня, он, закончив инструктаж, молча выскользнул на балкон и закурил.

Прищурившись, Фан Сынун провожал взглядом сизый дым, медленно тающий под блеклым, безжизненным небом. Ему казалось, что вся его реальность без остатка утонула в непрерывном дожде из его собственных снов — дожде, из-под которого не было спасения.

<http://bllate.org/book/20607/2186111>